

Ученіе о прирожденности у Лейбница.

Въ исторіи вопроса о прирожденныхъ идеяхъ Лейбницъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣсть. Послѣдователь Декартовскаго нативизма, онъ въ такой степени усовершенствовалъ эту теорію и такъ прекрасно ее аргументировалъ, что его мысли доселѣ не утратили своего значенія; онъ же первый далъ и отвѣтъ на возраженія противниковъ, настолько обстоятельный, что къ нему потомъ не было прибавлено ничего существеннаго. Итакъ, мы рассмотримъ положительныя воззрѣнія Лейбница относительно врожденности и его полемику съ Локкомъ по этому вопросу.

По ученію Лейбница, о врожденности идей можно говорить въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ философскомъ и въ смыслѣ, такъ сказать, обыденномъ или эмпирическомъ, иначе говоря, въ строгомъ и нестрогомъ смыслѣ. Въ строгомъ смыслѣ, т. е. съ философской точки зрѣнія, по монадологіи Лейбница, всѣ идеи врождены намъ, потому что всякая монада, а слѣдовательно и душа, лишь изъ себя развиваешь свое внутреннее содержаніе и ничего не получаетъ отвнѣ. Въ своемъ „Разсужденіи о Метафизикѣ“ (*Discours de la métaphisique*) Лейбницъ говоритъ: „ничто не входитъ естественнымъ путемъ въ нашъ духъ извнѣ, и лишь по дурной привычкѣ мы думаемъ, будто душа наша принимаетъ въ себя нѣкоторые образы, дающіе ей знаніе о предметѣ, и будто она имѣетъ дверя и окна. Всѣ эти формы мы имѣемъ въ своемъ духѣ, и притомъ во всякое время, ибо духъ нашъ всегда выражаетъ свои будущія мысли и уже мыслить смутно о всемъ, о чемъ онъ когда-либо будетъ думать отчетливо. И мы ничего не можемъ узнать, о чемъ мы не имѣли-бы въ духѣ нашемъ идеи, которая есть какъ-бы матерія, изъ которой образуется эта

мысль“¹⁾). Въ строго-метафизическомъ смыслѣ, кромѣ Бога не существуетъ внѣшней причины, которая дѣйствовала-бы на насъ, и лишь Онъ одинъ непосредственно сообщается съ нами въ силу нашей зависимости отъ Него²⁾). Отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ никакого внѣшняго предмета, который касался-бы нашей души и непосредственно возбуждалъ наше воспріятіе. И мы имѣемъ въ нашей душѣ идеи всѣхъ вещей только въ силу непрерывнаго дѣйствія на насъ Бога, т. е. вслѣдствіе того, что всякое дѣйствіе выражаетъ свою причину и поэтому сущность души нашей есть нѣкоторое выраженіе, подражаніе или отображеніе сущности, мысли и воли Божьихъ и всѣхъ идей, которыя въ нихъ заключаются. Значить, можно сказать, что одинъ Богъ есть непосредственный объектъ нашъ внѣ насъ, и что мы видимъ всѣ вещи чрезъ Него, — напр., когда мы видимъ солнце и звѣзды, то это Богъ далъ намъ и сохраняетъ въ насъ эти идеи³⁾). Эту точку зрѣнія — метафизическую — Лейбницъ противопоставляетъ обыденной или практической, если дѣло идетъ о метафизической точности, говоритъ Лейбницъ, то становится весьма важнымъ признать во всемъ объемѣ независимость нашей души, которая простирается гораздо далѣе, чѣмъ думаютъ обыкновенные люди, хотя въ обычной житейской практикѣ душѣ приписываютъ лишь то, что мы сознаемъ болѣе ясно и что принадлежитъ намъ въ особенности⁴⁾). Прочія познанія называютъ происшедшими отъ нѣ чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, хотя нужно помнить, что подобнаго рода выраженія могутъ быть допущены для обычнаго употребленія, приблизительно вродѣ того, какъ люди, слѣдующіе Копернику, всетаки говорятъ, что солнце восходитъ и заходитъ⁵⁾).

Становясь на эту вторую точку зрѣнія, Лейбницъ находитъ въ нашемъ умѣ три различныхъ рода идей: *„только чувственныя“* — составляющія предметы каждаго отдѣльнаго

1) Труды Московскаго Психологическаго Общества, выпускъ IV. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія. Пер. подъ ред. Преображенскаго стр. 91.

2) Ibid. 93.

3) Ibid, стр. 93 94; ср. также Nouveaux essais, liv. I, ch. 1, § 1.

4) Ibid, стр. 93.

5) Ibid, стр. 92.

чувства, *чувственныя и умопостигаемая въ одно и то-же время* — принадлежащія общему чувству, и только *умопостигаемыя* — свойственныя собственно уму. Первыя и вторыя вмѣстѣ доступны воображенію, третьи-же выше воображенія¹⁾. Чувственныя идеи — это-тѣ, которыя мы получаемъ чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ. Идеи чувственныя и умопостигаемыя въ одно и то же время — это идеи числа, фигуры и всѣхъ математическихъ опредѣленій: онѣ, хотя и имѣютъ, по мнѣнію Лейбница, чувственное происхожденіе, но ни отъ какого отдѣльнаго чувства не зависятъ, а потому приписываются *общему чувству*²⁾. Это „общее чувство“, какъ разъясняетъ Лейбницъ въ другомъ мѣстѣ, вовсе не однородно съ ощущеніями, потому что не есть органъ *внѣшней* чувствительности. „Эти идеи, говоритъ Лейбницъ, о которыхъ говорятъ, что онѣ происходятъ болѣе, чѣмъ изъ одного чувства, какъ идея пространства, фигуры, движенія, скорѣе возпикаютъ у насъ изъ общаго чувства (*du sens commun*), т. е. изъ самаго духа, ибо это-идеи чистаго ума, но имѣющія отношенія къ внѣшнему и воспринимаемыя нами посредствомъ чувствъ (*que les sens font apercevoir*)“³⁾. Чтобы отчетливо понять самыя числа и фигуры, и чтобы образовать науки объ нихъ, нужно еще нѣчто такое, чего чувства не могутъ доставить и что къ нимъ прибавляетъ разумъ⁴⁾. Наконецъ, „сверхъ чувственнаго и воображаемаго существуетъ и то, что только умопостигаемо, какъ составляющее предметъ одного ума; таковъ, напримѣръ, предметъ моей мысли, когда я думаю о себѣ самомъ“⁵⁾. Самосознаніе же служитъ источникомъ идеи субстанціи и другихъ *метафизическихъ* понятій, каковы идеи — причины и дѣйствія, дѣятельности, сходства, а также понятія *логическія и нравственныя*; идеи *Бытія и Истины* заключаются также въ моемъ Я, а не во внѣшнихъ чувствахъ. Тамъ-же находится и то, что называется *утверждать, отрицать, сомнѣваться,*

1) Лейбницъ. О томъ, что независимо отъ чувствъ и матеріи Тр. Моск. Цех. Общ. вып. IV, стр. 174.

2) См. Ibid, 171 — 172.

3) Nouveaux essais, I. II, ch. V, p. 230. (Издание Erdmann'a, 1840 г.).

4) Тр. Моск. Цех. Общ. Вып. IV, стр. 172.

5) Ibid, стр. 173

хотѣть, дѣйствовать, идеи измененія, воспріятія, удовольствія. „Въ особенности-же на этомъ основывается вся сила выводовъ умозаключенія, составляющихъ часть того, что называется *естественнымъ свѣтомъ*“. Отъ этого *естественнаго свѣта* зависитъ вся сила доказательствъ, въ математикѣ и вообще достовѣрность всякихъ логическихъ выводовъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, математика, логика съ метафизикою и мораль и основанныя на нихъ—естественное богословіе и естественное право, по выраженію Лейбница, *полны* такихъ истинъ, которыя опираются на врожденные начала, а не на внѣшнія чувства ²⁾. Но почему мы знаемъ, что эти истины составляютъ прирожденное намъ знаніе? Почему мы убѣждаемся, что это знаніе не дается намъ опытомъ? Вѣдь если не всѣ эти истины, то по крайней мѣрѣ большую часть ихъ мы встрѣчаемъ и въ опытѣ внѣшнемъ, въ приложеніи къ извѣстнымъ его явленіямъ: здѣсь мы видимъ предметы, которымъ усвоаемъ субстанціальное значеніе, видимъ случаи причинной зависимости, существованіе математическихъ законовъ и даже законовъ нравственныхъ. Почему же мы знаемъ, что всѣ эти истины прирождены намъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Лейбницъ находитъ въ признакахъ всеобщности и необходимости, присущихъ этимъ истинамъ, которые и приводятъ насъ къ признанію ихъ прирожденности. Большая заслуга Лейбница состояла въ томъ, что онъ впервые опредѣленно указалъ на эти именно признаки и настолько ясно, основательно и удачно раскрылъ ихъ значеніе, что его разсужденія по этому вопросу не потеряли своей цѣны доселѣ. „Обращаясь къ необходимымъ истинамъ, говоритъ Лейбницъ, нужно вообще сказать, что мы познаемъ ихъ только... естественнымъ разумомъ, а вовсе не опытами чувствъ. Ибо чувства могутъ до нѣкоторой степени показать намъ то, что есть, но не даютъ намъ знать того, что должно быть и не можетъ быть иначе. Напримѣръ, если-бы мы безконечное число разъ замѣчали на опытѣ, что всякое массивное тѣло

¹⁾ Ibid, стр. 173, 174, 175, 176. Ср. Nouveaux essais sur l'entendement humain, avant-propos. Изданіе Эрдманна, pp 195. 196.

²⁾ Ср Nouveaux essais, p. 195.

стремится къ центру земли и не можетъ держаться въ воздухѣ, мы все-таки не можемъ быть увѣрены, что это необходимо должно быть такъ, пока не поймемъ причины этого“ ¹⁾. „Бываютъ опыты, которые удаются безконечное число разъ при обыкновенныхъ условіяхъ, и однако при необыкновенныхъ обстоятельствахъ встрѣчаются иногда случаи, когда опытъ не удается. Напримѣръ, если-бы мы испытали сто тысячъ разъ, что желѣзо, положенное въ воду, тонетъ, мы не можемъ быть увѣрены, что такъ должно быть всегда. Оставляя въ сторонѣ чудо пророка Елисея, который заставлялъ желѣзо плавать, мы узнаемъ, что можно сдѣлать такой полый сосудъ изъ желѣза, что онъ всплываетъ наверхъ и можетъ даже выдержать довольно значительный грузъ, какъ мѣдныя или жестыя суда. Даже въ абстрактныхъ наукахъ, какъ геометрія, встрѣчаются случаи, когда то, что обыкновенно бываетъ, вдругъ перестаетъ оправдываться. Такъ, напримѣръ, мы находимъ обыкновенно, что двѣ линіи, непрерывно приближающіяся другъ къ другу, наконецъ пересѣкаются, и многіе готовы будутъ поклясться, что это всегда будетъ такъ. И однако геометрія представляетъ намъ случай необыкновенныхъ линій, которыя при безконечномъ продолженіи непрерывно приближаются другъ къ другу, и тѣмъ не менѣе никогда не встрѣчаются, и которыя поэтому называются асимптотами“ ²⁾.

„Чувства, говоритъ Лейбницъ въ другомъ сочиненіи, не могутъ дать намъ всего познанія, такъ какъ не даютъ ничего кромѣ примѣровъ, т. е. частныхъ индивидуальных истинъ. Но и всѣ примѣры, которые подтверждаютъ общую истину, сколько - бы ихъ ни было, не могутъ дать этой истинѣ характера всеобщей необходимости, такъ какъ изъ нихъ вовсе не слѣдуетъ, что то, что произошло, будетъ происходить такимъ-же образомъ. Напримѣръ, Греки, Римляне и всѣ другіе народы, извѣстные древности, постоянно замѣчали, что до истеченія 24 часовъ день переходитъ въ ночь, а ночь въ день; но было бы большою ошибкой думать, что это правило наблюдается повсюду,

¹⁾ О томъ, что независимо отъ чувствъ и матеріи, стр. 177.

²⁾ „О томъ, что независимо отъ чувствъ и матеріи“ стр. 179.

такъ какъ противоположно этому наблюдалось во время пребыванія на новой землѣ... Отсюда слѣдуетъ, что необходимыя истины, какъ онѣ существуютъ въ чистой математикѣ....., должны опираться на такія начала, доказательство которыхъ вовсе не зависитъ отъ частныхъ фактовъ, а слѣдовательно отъ показаній чувствъ“¹⁾.

„Эти размышленія показываютъ намъ, что существуетъ *прирожденное намъ знаніе*. Такъ какъ чувства и индуктивныя заключенія не могутъ дать намъ вполне всеобщихъ и абсолютно необходимыхъ истинъ, а говорятъ лишь о томъ, что есть и что обыкновенно бываетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, и такъ какъ мы, тѣмъ не менѣе, знаемъ всеобщія и необходимыя истины наукъ, — въ чемъ и состоитъ наше преимущество предъ животными; то отсюда слѣдуетъ, что мы почерпнули эти истины въ извѣстной части изъ того, что заключается въ насъ самихъ. Такъ, можно научить эгимъ исгинамъ ребенка, путемъ простыхъ вопросовъ по способу Сократа, ничего не говоря ему и не показывая ему на опытѣ истину того, о чемъ его спрашиваютъ“²⁾.

Въ какомъ же видѣ идеи и истины врождены нашей душѣ? Лейбницъ отвергаетъ то ходячее и грубое представленіе прирожденныхъ идей, по которому онѣ являются уже съ самаго начала готовыми понятіями и положеніями. „Не слѣдуетъ воображать, говорить Лейбницъ, будто эти вѣчные законы разума можно читать въ душѣ à livre ouvert, безъ труда и изслѣдованія, какъ читается эдиктъ престола на его album; но достаточно и того, что они могутъ быть открыты въ насъ посредствомъ внимательнаго наблюденія, причемъ чувства доставляютъ къ этому поводы, а результаты опыта служатъ подтвержденіемъ разума“³⁾. Для того, чтобы выяснить, въ какомъ именно видѣ нужно представлять себѣ существованіе идей до опыта, Лейбницъ въ противоположность эмпирикамъ, сравнивавшимъ душу съ *tabula rasa*, неоднократно⁴⁾ пользуется сравненіемъ нашей души

1) Nouveaux essais, p. 195.

2) „О томъ, что независимо отъ чувствъ и матеріи“, стр. 179—180.

3) Nouveaux essais, p. 195.

4) Nouveaux essais, pp. 196. 210. 212. 213.

съ кускомъ мрамора, который не можетъ быть безразличнымъ къ какой угодно художественной формѣ, потому что находящіяся въ мраморѣ жилы намѣчаютъ одну определенную фигуру—фигуру Геркулеса. При такомъ условіи Геркулесъ былъ бы въ извѣстномъ смыслѣ врожденъ камню; хотя и слѣдовало-бы поработать, чтобы открыть эти жилы и очистить ихъ полировкой, удаляя все, что препятствуетъ ихъ обнаруженію. Такимъ образомъ, заключаетъ Лейбницъ, истины и идеи врождены намъ, какъ наклонности, расположенія, привычки или естественныя потенціи (*comme des inclinations, des dispositions, des habitudes ou des virtualités naturelles* ¹⁾).

Признавая прирожденные идеи лишь въ смыслѣ извѣстныхъ природныхъ диспозицій, а не въ смыслѣ готоваго знанія, Лейбницъ этимъ освобождалъ теорію нативизма отъ одного изъ грубѣйшихъ противорѣчій съ дѣйствительностью. Правда, мысль Лейбница не была безусловною новостью: подобное говорилъ и Декартъ. Но точка зрѣнія Декарта въ этомъ вопросѣ страдаетъ неясностью и сбивчивостью. Заслуга Лейбница состоитъ въ томъ, что онъ первый высказался со всею возможною въ данномъ случаѣ определенностью; определенности мысли у него соотвѣтствуетъ устойчивость выраженій: онъ много разъ говоритъ въ своихъ опытахъ о томъ, въ какомъ видѣ идеи прирождены, и всегда въ однихъ и тѣхъ-же словахъ. Еще въ большей степени принадлежатъ Лейбницу другая заслуга: онъ первый, насколько намъ извѣстно, указалъ на *необходимость* чувственного опыта для раскрытія врожденныхъ принциповъ знанія; этимъ теорія прирожденности освобождалась отъ другого возраженія эмпиризма, показывавшаго, что до внѣшняго опыта и безъ него мы не можемъ имѣть никакого знанія и въ частности прирожденнаго. „Я согласенъ, говоритъ Лейбницъ, что въ настоящемъ нашемъ состояніи внѣшнія чувства необходимы намъ, для того, чтобы мыслить, и что если-бы мы совсѣмъ не имѣли чувствъ, то и не мыслили-бы. Но то, что необходимо для какой-либо вещи, не составляетъ еще поэтому ея сущности. Воздухъ необходимъ намъ для жизни, но наша жизнь есть вѣчто иное, чѣмъ воздухъ.

¹⁾ *Nouveaux essais*, 196.

Чувства доставляютъ намъ матеріаль для мышленія, и у насъ никогда не бываетъ мыслей до такой степени отвлеченныхъ, чтобы къ нимъ не причѣшивалось чего либо чувственнаго. Но мышленіе требуетъ еще иного, сверхъ того, что чувственно“ ¹⁾ Въ своихъ *Новыхъ Опытахъ* Лейбницъ неоднократно повторяетъ, что „чувства необходимы для всѣхъ нашихъ дѣйствительныхъ познаній“, что „не будь чувствъ, намъ никогда не пришло бы въ голову думать о *прирожденныхъ истинахъ*“ ²⁾.

Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ услугахъ, которыя оказало теоріи нативизма Лейбницево ученіе о бессознательныхъ представленіяхъ и вообще о бессознательной сторонѣ психической жизни. Это замѣчательное ученіе, настолько времени предупредившее современную намъ психологію съ ея теоріей бессознательныхъ психическихъ состояній, стояло въ тѣсной связи съ монадологіей Лейбница и съ его ученіемъ о законѣ непрерывности. По ученію Лейбница, какъ мы знаемъ. „всякая монада есть зеркало вселенной на свой образецъ“. ³⁾ Въ каждой душѣ заключается вся вселенная, однако на самомъ дѣлѣ количество нашихъ представленій и воспріятій въ каждый данный моментъ ограничено. Почему же? Потому что большая часть другихъ остается внѣ области ясно сознаваемого. Нужно, училъ Лейбницъ, различать *воспріятіе* или *перцепцію*, которая есть внутреннее состояніе монады, воспроизводящее внѣшнія вещи, и *апперцепцію* или *сознаніе* этихъ состояній ⁴⁾. Области перцепціи и апперценціи далеко не покрываютъ другъ друга; за сознательными и ясными представленіями кроется масса смутныхъ и темныхъ воспріятій, отражающихъ всю вселенную. Поэтому, „всякая душа знаетъ все, но смутно“ ⁵⁾. Бессознательныя воспріятія суть не что иное, какъ безконечно малыя психическія величины, изъ которыхъ возникаетъ все замѣтное и великое, подчиняясь закону непрерывности. „Незамѣтно-малыя воспріятія имѣютъ такое же важное значеніе для

1) „О томъ, что независимо отъ чувствъ и матерія“. 180.

2) Ibid. p. 195; ср. 209.

3) Тр. Моск. Псих. Общ. 1 с. 355

4) Ibid. 326, 341

5) Ibid. 333.

невматики, какъ незамѣтно-малыя тѣльца для физики: и одинаково нѣтъ никакого основанія отвергать какъ тѣ, такъ и другія поцѣ тѣмъ предлогомъ, что они лежатъ за предѣлами нашего чувственного кругозора. Ничто не является совершенно вдругъ, и одно изъ самыхъ важныхъ и наиболѣе достовѣрныхъ моихъ правилъ состоитъ въ томъ, что *природа никогда не дѣлаетъ скачковъ*. Я назвалъ это *закономъ непрерывности*... Въ силу закона непрерывности всякій переходъ отъ малаго къ великому и наоборотъ совершается чрезъ всѣ промежуточныя величины — какъ въ степеняхъ, такъ и въ частяхъ, — и движеніе никогда не возникаетъ непосредственно изъ покоя, какъ посредствомъ менѣе значительнаго движенія... Все это заставляетъ думать, что замѣтныя воспріятія происходятъ постепенно изъ тѣхъ, которыя слишкомъ малы для того, чтобы быть замѣченными“ ¹⁾. Такимъ образомъ, Лейбницъ предвосхищаетъ ученіе современной намъ психологіи о томъ, что всякое ощущеніе представляетъ собою доступный сознанію результатъ массы малыхъ и незамѣтныхъ ощущеній того же рода. Такъ, напримѣръ, воспріятіе цвѣтовъ и запаховъ, по Лейбницу, представляютъ собою воспріятіе фигуръ и движеній, настолько малыхъ и разнообразныхъ, что нашъ духъ не способенъ сознавать каждое изъ нихъ въ отлѣльности и потому не замѣчаетъ сложности чуждыхъ ощущеній ²⁾. Это же самое нужно сказать и о всѣхъ другихъ чувственныхъ воспріятіяхъ ³⁾. Но, можетъ быть, Лейбницъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду сложность физическую, а не психическую? Ощущеніе можетъ остаться прошлымъ актомъ съ психологической стороны, не смотря на сложность вызвавшихъ его физическихъ причинъ. Несомнѣнно, что Лейбницъ признавалъ сложность не только физической причины ощущенія но и самаго ощущенія, какъ психического состоянія. Этого требовалъ только что приведенный законъ непрерывности, и это старается подтвердить философъ доказательствами эмпирическаго характера. Ропотъ собравшейся толпы народа, говоритъ Лейбницъ, состоитъ изъ звуковъ, издавае-

1) Nouveaux essais, avant—propos., p. 198.

2) Тр. Моск. Цех. Общ. 1 с. 47.

3) Ibid. 39.

мыхъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ. Мы не слышимъ этихъ отдѣльныхъ звуковъ, но мы должны ихъ воспринимать, потому что въ противномъ случаѣ мы не могли бы ощущать того цѣлаго, которое изъ нихъ состоитъ ¹⁾ Точно также для того, чтобы слышать шумъ моря, нужно воспринимать шумъ каждой отдѣльной волны, и хотя мы не сознаемъ этого воспріятія, однако должны его допустить ²⁾. Обыденный опытъ даетъ намъ множество случаевъ убѣдиться въ существованіи безсознательныхъ воспріятій. Множество ощущений, постоянно нами получаемыхъ, не доходятъ до нашего сознанія вслѣдствіе того, что утратили интересъ новизны, или вслѣдствіе того, что сознаніе въ данный моментъ поглощено другими предметами. Но что эти ощущенія дѣйствительно нами воспринимаются — въ этомъ мы убѣждаемся изъ того, что можемъ воспроизвести въ своемъ сознаніи эти ощущенія черезъ нѣкоторый промежутокъ времени послѣ того, какъ они были получены, — если что-нибудь обратитъ наше вниманіе на нихъ ³⁾. Значеніе этихъ несознаваемыхъ или смутно-сознаваемыхъ психическихъ состояній въ жизни человѣка громадно, и нужно еще разъ удивиться необычайной проникательности философа, предупредившаго современную психологію даже въ опѣнкѣ этого значенія. Незамѣтно-малыя воспріятія, по ученію Лейбница, лежатъ въ основѣ всей нашей духовной жизни: изъ нихъ слагаются не только наши идеи, но и нашъ характеръ, наши страсти и привычки; они тысячами путей отражаются въ нашихъ дѣйствіяхъ и тысячами нитей связываютъ насъ съ окружающимъ міромъ ⁴⁾. Эта теорія незамѣтныхъ психическихъ величинъ объясняетъ многіе существенно-важные факты духовной жизни. Таковы, на примѣръ, память, запасы которой хранятся въ безсознательномъ состояніи, пріобрѣтенныя-предшествовавшимъ опытомъ привычки и т. п. ⁵⁾. Вообще каждая наша мысль и каждое движеніе души оставляютъ въ душѣ неизгладимый слѣдъ ⁶⁾, каждое предше-

1) Ibid. 231—232.

2) Nouveaux essais, avant—propos, p. 197.

3) Nouveaux essais, avant—propos, p. 197. ср. livr. II, ch. II, 14.

4) Ibid. livr. II, ch. II, 15, avant—propos, p. 197.

5) Nouveaux essais, avant—propos, p. 196.

6) Ibid. Livr. II, ch. I, 11.

ствующее состояніе живетъ въ послѣдующихъ, хотя мы и не всегда это сознаемъ ¹⁾). Только благодаря этому дѣлается возможною непрерывность психическаго существованія: „всѣ наши будущія мысли и воспріятія суть только слѣдствія нашихъ прошлыхъ мыслей и воспріятій“ ²⁾). Кажущіяся нарушенія этого закона объясняются только тѣмъ, что мы отсутствіе яснаго сознанія принимаемъ за отсутствіе воспріятій и идей. Таковы, напр., обморокъ или сонъ, во время которыхъ мы лишаемся сознанія. Такъ какъ, очнувшись отъ подобнаго „безсознательнаго состоянія, мы сознаемъ наши воспріятія, то послѣднія необходимо должны были существовать и непосредственно передъ тѣмъ, хотя бы мы и вовсе не признавали ихъ. Ибо воспріятіе можетъ естественнымъ путемъ произойти только отъ другого воспріятія, какъ и движеніе можетъ произойти естественнымъ путемъ только изъ движенія“ ³⁾). — Это ученіе о безсознательныхъ воспріятіяхъ вносило весьма существенное усовершенствованіе въ Декартовскую теорію нативизма. Опредѣляя душу, какъ мыслящую субстанцію, и отождествля мышленіе съ сознаніемъ, Декартъ этимъ самымъ ставилъ непреодолимое затрудненіе для своей теоріи прирожденныхъ идей. Опытъ показываетъ, что большинство людей не сознаетъ въ себѣ существованія идей, признаваемыхъ прирожденными; значить, этихъ идей совсѣмъ нѣтъ у многихъ людей, потому что идея, по самому понятію о ней, есть *сознательная* форма психической жизни. Слѣдовательно, никакихъ прирожденныхъ идей не существуетъ. Эти затрудненія исчезаютъ благодаря теоріи безсознательныхъ воспріятій: они существуютъ и тогда, когда мы ихъ не сознаемъ. Это даетъ возможность, не впадая въ противорѣчіе съ опытомъ, признать существованію прирожденныхъ идей, не смотря на то, что онѣ далеко не у всѣхъ существуютъ въ сознательной формѣ. Тѣ расположенія, или склонности, въ формѣ которыхъ первоначально существуютъ прирожденные идеи и принципы, представляютъ собою до вступленіе въ сознаніе не что иное, какъ малыя воспріятія

¹⁾ Ibid. § 12.

²⁾ Тр. Моск. Псих. Общ. I. с., 71.

³⁾ Тр. Моск. Псих. Общ. I. с. 344.

(les petites perceptions) ¹⁾, и нужно, конечно, значительное развитіе рефлексіи, чтобы эти малыя воспріятія превратились въ сознательныя идеи. Въ своей полемикѣ съ Локкомъ, какъ увидимъ Лейбницъ постоянно ссылается на факты бессознательныхъ психическихъ состояній въ защиту врожденныхъ идей.

Признавая ученіе Лейбница о врожденныхъ идеяхъ значительнымъ шагомъ впередъ въ развитіи теоріи нативизма сравнительно съ ученіемъ Декарта, мы должны все-таки отмѣтить, что Лейбницъ не всегда свободенъ отъ недостатковъ своего знаменитаго предшественника. Однимъ изъ такихъ недостатковъ, наиболѣе выдающимся, является общее у Лейбница съ Декартомъ смѣшеніе области внутренняго опыта съ областію врожденнаго. Врожденное знаніе у Лейбница противопоставляется не опычному знанію вообще, а знанію, получаемому путемъ *внѣшняго опыта* ²⁾. Слѣдовательно, по Лейбницу, какъ и по Декарту, всѣ идеи нашихъ душевныхъ состояній врождены намъ. Мы уже видѣли, когда говорили объ ученіи Декарта, ³⁾ что такое мнѣніе ведетъ къ разрушительнымъ для нативизма слѣдствіямъ, потому что лишаетъ возможности указать какую-либо границу между врожденнымъ и неврожденнымъ знаніемъ.

Этимъ именно смѣшеніемъ врожденности съ внутреннимъ опытомъ объясняетъ я то обстоятельство, что самъ Лейбницъ не могъ провести точной границы между своимъ ученіемъ и ученіемъ Локка. Ученіе Локка о рефлексіи казалось Лейбницу непостѣдовательностью, представлявшей будто бы невольное признаніе той точки зрѣнія, которую онъ опровергалъ. „Быть можетъ, говоритъ Лейбницъ, взгляды нашего провинцальнаго автора не совсѣмъ расходятся съ моими. Въ самомъ дѣлѣ, употребивъ всю свою первую книгу на отрицаніе врожденныхъ познаній, принимаемыхъ въ извѣ-

¹⁾ Ср. Гр. Моск. Исх. Общ. I. с. 47. Нужно думать, впрочемъ, что „малыя воспріятія“ въ данномъ случаѣ уясняютъ только вопросъ о *формѣ существованія врожденнаго знанія*, а не о происхожденіи и характерѣ его содержанія, потому что въ противномъ случаѣ грозитъ опасность утратить различіе между врожденнымъ и неврожденнымъ знаніемъ.

²⁾ Ср. Ibid. 33.

³⁾ См. Богословскій Вѣстникъ, 1897 г., Сентябрь, Декабрь: Ученіе Декарта о врожденныхъ идеяхъ.

стномъ смыслѣ, онъ утверждаетъ однако въ началѣ второй и далѣе, что идеи, происхожденіе которыхъ не лежитъ въ ощущенія, возникаютъ изъ рефлексіи. Но вѣдь рефлексія есть не что иное, какъ вниманіе къ тому, что содержится въ насъ, чувства же не даютъ намъ того, что мы носимъ съ собою. Разъ это такъ, то можно ли отрицать, что въ нашемъ духѣ есть весьма много врожденнаго, какъ скоро мы, такъ сказать, врождены самимъ себѣ?—и что въ насъ существуетъ *бытіе, единство, субстанція, продолжительность, измѣненіе, дѣятельность, воспріятіе, удовольствіе*—и тысяча другихъ предметовъ нашихъ интеллектуальныхъ идей? Но разъ эти предметы непосредственно и постоянно присутствуютъ въ нашемъ разумѣ (хотя и не всегда сознаются вслѣдствіе нашей разсѣянности и нашихъ нуждъ), то къ чему удивляться, если мы скажемъ, что эти идеи врождены намъ со всѣмъ, что отъ нихъ зависитъ?“. Только благодаря смѣшенію прирожденности съ внутреннимъ опытомъ можно помѣщать въ одну категорію такіа, очевидно, разнородныа идеи, какъ идеи *субстанціи* и *бытія* съ одной стороны, и идеи *воспріятія, удовольствія*—съ другой. Даже Локкъ и тотъ, повидимому, не смотря на свою склонность выводить всѣ идеи изъ опыта, не рѣшался объяснять изъ внутренняго опыта идею субстанціи. Не умѣя провести точной границы между прирожденностью и внутреннимъ опытомъ, Лейбницъ по этому самому не могъ усмотрѣть различія между ученіемъ Локка о рефлексіи и своимъ собственнымъ ученіемъ о врожденности. Конечно, Лейбницъ при этомъ упустилъ изъ вниманія свою теорію бессознательныхъ представленій, которая Локку была совершенно чужда. На самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія Лейбница, идеи бытія, субстанціи, дѣятельности, удовольствія и т. д. существуютъ уже раньше рефлексіи въ видѣ не сознаваемыхъ, малыхъ воспріятій, какъ онъ выражается. Душа человѣка, какъ начало существующее, субстанціальное, дѣятельное, чувствующее—производитъ въ умѣ соответствующее впечатлѣніе или воспріятіе, которое и находится въ немъ до тѣхъ поръ, пока на нее обратить вниманіе умъ, въ зачаточномъ состояніи. Но разъ дѣло обстоитъ именно такъ, тогда вопросъ, зачѣмъ же Лейбницу понадобились понятія *склонности, расположенія, привычки* для объ-

яснения врожденных идей? Если их источникъ въ внутреннемъ опытѣ, то теорія бессознательныхъ или малыхъ воспріятій для этой цѣли было совершенно достаточно и вводить сверхъ этого другаго понятія значило только запутывать дѣло. Далѣе, какъ изъ внутренняго опыта могли истекать такія идеи, какъ идеи — Божества, истины, или математическихъ положеній? Наконецъ, если врожденное знаніе имѣетъ свой источникъ во внутреннемъ опытѣ, то какой смыслъ можетъ имѣть ссылка на *всеобщность и необходимость* нѣкоторыхъ познаній въ доказательство ихъ врожденности? Вѣдь опытъ внутренній нисколько не болѣе вѣрнаго можетъ служить объясненіемъ этихъ признаковъ. Повидимому можно спасти теорію Лейбница отъ послѣдняго затрудненія, разграничивая его ученіе о врожденныхъ *идеяхъ* отъ ученія о врожденныхъ *истинахъ*. Затрудненіе исчезаетъ благодаря тому, что для врожденныхъ идей источникъ указывается во внутреннемъ опытѣ, а для врожденныхъ истинъ — въ такъ называемомъ „естественномъ свѣтѣ“, или, иначе говоря, въ непосредственной умственной очевидности. Но такое разграниченіе между источниками различныхъ видовъ врожденнаго знанія было бы законопно лишь въ томъ случаѣ, если бы его держался самъ Лейбницъ. Этому однако нельзя сказать. Хотя у Лейбница есть стремленіе выдѣлить „необходимыя истины“ какъ особый видъ врожденнаго знанія, однако точно и рѣшительно онъ этого нигдѣ не дѣлаетъ, и хотя, съ другой стороны, онъ иногда указываетъ на внутренній опытъ, какъ на источникъ врожденнаго знанія, однако въ другихъ случаяхъ онъ источникомъ *всего* врожденнаго знанія называетъ *умъ*, не только не противопоставляя между собою этихъ двухъ источниковъ, но даже очевиднымъ образомъ ихъ смѣшивая. Для того, чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, стоитъ только прослѣдить ходъ его мыслей тамъ, гдѣ онъ рассуждаетъ о врожденности: вездѣ мы увидимъ, что онъ говоритъ одновременно и о врожденныхъ истинахъ и о врожденномъ знаніи вообще, мѣняя эти названія лишь соответственно тому, какою оказывается болѣе подходящимъ въ каждомъ частномъ случаѣ. Въ одномъ своемъ письмѣ („О томъ, что независимо отъ чувствъ и матеріи“) Лейбницъ рѣшаетъ вопросъ: „суть ли что-нибудь въ нашихъ мысляхъ, что

происходить не изъ чувствъ?“ Лейбницъ говоритъ здѣсь, что кромѣ чувствъ внѣшнихъ и внутренняго опыта источникомъ знанія служить умъ. Какое же это знаніе? Это прежде всего идея *Я, субстанции, причины, дѣятельности, сходства, бытія, истины*. Тамъ же, т. е. въ умѣ, находится и то, что называется *утверждать, отрицать, сомнѣваться, хотѣть, дѣйствовать*. Наконецъ, здѣсь же имѣетъ свое основаніе *сила выводовъ умозаключенія*, составляющихъ часть того, что называется естественнымъ свѣтомъ, который служитъ источникомъ необходимыхъ истинъ и понятій. Значитъ, умъ есть источникъ всего прирожденнаго знанія—будетъ ли это идеи, или истины. Но о обоимъ почтительно въ этомъ отношеніи предисловіе къ Новымъ Опытамъ, гдѣ онъ пишетъ: „Дѣло идея о томъ, дѣйствительно ли душа сама по себѣ совершенно пуста, какъ доска, на которой еще ничего не написано (*tabula rasa*). . . и все, что на ней начертано, происходитъ единственно изъ чувствъ и опыта? или душа искони содержитъ въ себѣ начала различныхъ понятій и положеній, которыя только пробуждаются при случаѣ внѣшними объектами,—какъ это думаю я вмѣстѣ съ Платономъ? Стоики называли эти начала *προλήψεις*, т. е. основными предположеніями или тѣмъ, что заранѣе принимается безспорнымъ. Математики называютъ ихъ общими понятіями (*κοινὰ ἔγγραφα*) Новѣйшіе философы даютъ имъ разныя другія хорошія названія, и въ частности Юлій Скалигеръ называлъ ихъ сѣменами вѣчности (*semina aeternitatis*) или искрами жизни (*зоруга*), какъ бы живыми огнями, свѣтлыми штрихами, скрытыми въ глубинѣ нашего существа, которые вызываются наружу столкновениемъ чувствъ съ внѣшними предметами, подобно тому, какъ ударъ вызываетъ искры изъ ружья; и не безъ основанія въ этомъ блескѣ видятъ вѣчто божественное и вѣчное, проявляющееся въ особенности въ *необходимыхъ истинахъ*“. Далѣе Лейбницъ показываетъ, что необходимый элементъ нашего знанія,

¹⁾ Ср. также 1 р. Пенх. Общ. I р. 345—6 гдѣ прирожденные понятія выводятся изъ необходимыхъ истинъ. Но здѣсь очевидно идетъ рѣчь объ этихъ понятіяхъ, какъ сознательныхъ актахъ. Наоборотъ, какъ безсознательныя основы знанія идеи предшествуютъ необходимымъ истинамъ. Ср. *ibid* 349

составляющій отличіе человѣка отъ животнаго, не можетъ проистекать изъ опыта, а обязанъ своимъ происхожденіемъ разуму (*raison*), и вслѣдъ же затѣмъ высказываетъ выше уже приведенное соображеніе о томъ, что его ученіе о прирожденности не отличается отъ Локкова ученія о рефлексіи. Такой ходъ мыслей быть бы рѣшительно невозможенъ, если бы Лейбницъ признавалъ два различныхъ источника для прирожденныхъ идей и необходимыхъ истинъ¹⁾. Напротивъ, неоднократныя заявленія самого философа приводятъ къ тому, что источникъ тѣхъ и другихъ онъ одинаково видѣлъ въ умѣ или въ разумѣ (*entendement, raison*), хотя несомнѣнно и то, что, благодаря смѣшенію понятій, на мѣстѣ ума у него иногда оказывается просто внутренній опытъ.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ теоріи прирожденности, у Лейбница остается существенное недоразумѣніе. Но въ этомъ недоразумѣніи сказываются весьма цѣнные проблески будущаго, проблески критической философіи. Въ ученіи Лейбница видно уже смутное сознаніе недостаточности старой теоріи прирожденности для объясненія основъ нашего знанія. Не смотря на отсутствіе определенныхъ разграничительныхъ признаковъ, у Лейбница намѣчается раздвоеніе между *прирожденнымъ* знаніемъ и *необходимыми* истинами. Не смотря на старанія Лейбница объединить эти два вида знанія, доказывая прирожденность знанія его необходимостью и выводя необходимость изъ прирожденности,—оба вида знанія не сливались между собою. На самомъ дѣлѣ, положеніе: *я есть существо мыслящее*, съ точки зрѣнія Лейбница, врождено, потому что источникъ его заключается въ самосознаніи, однако въ немъ нѣтъ ничего необходимаго или самоочевиднаго. Съ другой стороны, если мы установимъ причинную зависимость, какого-либо эмпирическаго явленія отъ другого, то связь между ними является для нашего ума необходимой, хотя содержаніе идей, входящихъ въ составъ сужденія, въ послѣднемъ случаѣ получено всецѣло изъ опыта¹⁾. Въ приведенныхъ примѣрахъ всего легче видѣть разницу между теоріей *нativизма*, по которой намъ прирождено самое содержа-

¹⁾ Ср. Тр. М. Пс. Общ., I. в. 177.

нiе знанiя, и *критической* теорiей, которая учитъ объ апрiорномъ характерѣ только формы знанiя, выводя его содержанiе всецѣло изъ опыта. Что у Лейбница уже намѣчается различiе этихъ двухъ точекъ зрѣнiя—это почти не можетъ подлежать сомнѣнiю. Каждый, кто даетъ себѣ трудъ прочитать два вышеприведенныя мѣста о прирожденномъ знанiи—въ предисловiи къ *Новымъ Опытамъ* и въ письмѣ *О томъ, что независимо отъ чувствъ и матерiи*—увидитъ, что какъ только онъ начинаетъ разсуждать о необходимыхъ истинахъ, онъ всегда отъ нативизма склоняется къ апрiоризму. Такъ, напримѣръ, понятiя математическiя не даются намъ ни однимъ изъ внѣшнихъ чувствъ, а обязаны происхожденiемъ *внутреннему чувству*, которое, повидимому, есть воображенiе¹⁾. Это уже въ извѣстномъ смыслѣ говоритъ за врожденность такихъ понятiй. Однако происхожденiе изъ *внутренняго чувства* считается недостаточнымъ для объясненiя необходимаго характера математическихъ наукъ, внутреннее чувство даетъ только содержанiе, формальный же характеръ необходимости привносится умомъ. „Не подлежитъ сомнѣнiю, говоритъ Лейбницъ, что математическiя науки не были бы демонстративными и состояли бы въ простой индукци или наблюдени, —которыя никогда не могутъ обезпечить полную и совершенную всеобщность истинъ, заключающихся въ этихъ наукахъ,—если бы на помощь *чувствамъ* и *воображенiю* не приходило нѣчто болѣе высокое, которое можетъ доставить одинъ только *умъ*“²⁾. Не менѣе знаменательно и то обстоятельство, что, говоря о необходимыхъ истинахъ, Лейбницъ всегда прибавляетъ, что для нихъ необходимъ опытъ и *не только какъ поводъ, а какъ источникъ ихъ содержанiя*, и иногда въ его выраженiяхъ можно видѣть намекъ на кантовскую мысль, что содержанiе знанiя *всецѣло* происходитъ изъ опыта: *чувства необходимы намъ для того, чтобы мыслить, и если бы мы совсѣмъ не имѣли чувствъ, то и не мыслили бы. Чувства доставляютъ намъ матерiалъ для мышленiя*³⁾. *Чувства необходимы для*

¹⁾ Ibid. 172.

²⁾ Ibid. 173.

³⁾ Ibid. 180.

всѣхъ нашихъ дѣйствительныхъ познаній ¹⁾). Недостаточность чувствъ заключается лишь въ томъ, что они представляютъ только частные примѣры и индивидуальныя случаи. Значить, на долю ума только остается привнесение формальныхъ признаковъ всеобщности и необходимости ²⁾).

Нельзя не признать, что теорія прирожденности въ томъ видѣ, какой она получила подъ перомъ Лейбница, не смотря на указанныя сейчасъ погрѣшности его ученія, очень успѣшно могла бороться съ эмпиризмомъ и удачно отвѣчать на большинство его возраженій. Это мы видимъ въ полемикѣ Лейбница съ Локкомъ. *Новые опыты* Лейбница, обширное сочиненіе о познаніи, представляетъ собою отвѣтъ на Опытъ Локка, отвѣтъ, поставившій цѣлью опровергнуть его шагъ за шагомъ, книгу за книгой, главу за главой. Первая книга посвящена, какъ и у Локка, вопросу о прирожденных истинахъ и идеяхъ, здѣсь подробно и послѣдовательно опровергаются всѣ возраженія Локка въ формѣ философскаго разговора между Филалетомъ, повторяющимъ возраженія Локка, и Теофиломъ, опровергающимъ эти возраженія. Для того, чтобы прослѣдить эту полемику, мы рассмотримъ содержаніе 1-й книги Новыхъ опытовъ Лейбница. Книга состоитъ изъ трехъ главъ, изъ которыхъ первая говоритъ о теоретическихъ принципахъ, вторая о практическихъ, третья разсматриваетъ общія соображенія Локка противъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.

„Я прочелъ, говоритъ Теофиль отъ лица Лейбница Филалету, представителю Локковыхъ воззрѣній, книгу того знаменитаго англичанина, о которомъ вы мнѣ говорите. Я очень цѣню ее и нашелъ въ ней много прекрасныхъ вещей, но нужно смотрѣть на дѣло глубже и даже отказаться отъ его мнѣній, потому что онъ часто держится такихъ мнѣній, которыя ограничиваютъ насъ болѣе, чѣмъ нужно и слишкомъ принижаютъ состояніе не только человѣка, но и вселенной“ ³⁾). Переходя затѣмъ къ самымъ возраженіямъ Локка, Лейбницъ начинаетъ съ того-же изъ нихъ, съ котораго и Локкъ, именно-что врожденные принципы совсѣмъ

1) Nouveaux essais, avant—propos.

2) Cp. ibid.

3) Nouveaux essais, p. 206.

не нужны, потому что и безъ нихъ можно объяснить все наше познаніе. Лейбницъ высказываетъ увѣренность, что въ основаніи возраженія лежитъ похвальный мотивъ, но что этотъ мотивъ увлекъ автора *Опыта* гораздо дальше, чѣмъ слѣдуетъ. „Я думаю, говоритъ онъ, что вашъ проницательный авторъ замѣтилъ, что подь именемъ врожденныхъ принциповъ часто поддерживаютъ свои предразсудки и этимъ желаютъ избавить себя отъ труда изслѣдованій, и что это именно злоупотребленіе одушевило его ревностію противъ разсматриваемаго предположенія. Онъ хотѣлъ поразить лѣность и поверхностную манеру мышленія тѣхъ, которые подь благовиднымъ предлогомъ врожденныхъ идей и отъ природы начертанныхъ въ нашемъ духѣ истинъ, — на что мы легко даемъ свое согласіе, — совсѣмъ не заботятся объ отысканіи и изслѣдованіи источниковъ, связи и достовѣрности этихъ познаній. Въ этомъ я совершенно съ нимъ согласенъ и даже иду далѣе его. Я желалъ-бы, чтобы не ограничивались нашимъ анализомъ, чтобы всѣмъ терминамъ, которые къ тому способны, были даны опредѣленія, чтобы доказали или дали средства доказать всѣ аксіомы, которыя не принадлежатъ къ числу первоначальныхъ, не обращая вниманія на мнѣніе, которое имѣютъ о нихъ люди, и не заботясь о томъ, соглашаются они съ этими *истинами* или нѣтъ. Это было-бы гораздо полезнѣе, чѣмъ думаютъ. Но мнѣ кажется, что авторъ своею очень похвальною ревностію былъ увлеченъ слишкомъ далеко въ другую сторону. По моему мнѣнію, онъ недостаточно различилъ происхожденіе необходимыхъ истинъ, источникъ которыхъ заключается въ умѣ, отъ истинъ фактическихъ, которыя извлекаются изъ чувственныхъ опытовъ, и даже изъ смутныхъ воспріятій, находящихся въ насъ. Игакъ, вы видите, м. г., что я не согласенъ съ тѣмъ, что вы считаете фактомъ, что мы можемъ приобрѣсти всѣ наши познанія, не нуждаясь во врожденныхъ впечатлѣніяхъ (impressions)“¹⁾.

На возраженіе Филалета о томъ, что всеобщее признаніе этихъ истинъ, которое считается главнымъ основаніемъ въ пользу ихъ прирожденности, ничего не доказываетъ, да

¹⁾ Nouveaux essais, т. I, ch. 1, § 1, pp. 206 - 207.

и фактически не существует, Теофиль отвѣчаетъ: „Я не основываю достовѣрности врожденныхъ принциповъ на всеобщемъ признаніи. Я согласенъ также съ вами, что согласіе довольно общее можетъ происходить и отъ другихъ причинъ и потому я думаю, что такое согласіе можетъ служить лишь показателемъ врожденныхъ истинъ, но не доказательствомъ ихъ врожденности. Точное-же и рѣшительное доказательство состоитъ въ показаніи того, что ихъ достовѣрность происходитъ только изъ источника, заключающагося въ насъ. Въ отвѣтъ же на ваше возраженіе противъ всеобщаго признанія двухъ великихъ спекулятивныхъ принциповъ, которые однако принадлежатъ къ числу наилучше установленныхъ, я могу вамъ сказать, что когда даже они не бывають познаны, они не перестаютъ быть врожденными, потому что ихъ признають какъ только услышать. Но я прибавлю еще, что въ существѣ дѣла всѣ знаютъ ихъ и пользуются, напримѣръ, ежеминутно принимають противорѣчія, не усматривая его раздѣльно. Нѣтъ ни одного варвара, который въ дѣлѣ, признаваемомъ имъ серьезнымъ, не былъ бы возмущенъ поведеніемъ лжеца, противорѣчащаго самому себѣ. Такъ пользуются этими правилами, не видя ихъ отчетливо. Это почти также, какъ въ энтимемахъ мы потенциально имѣемъ въ умѣ подразумѣваемые предложенія, которыхъ мы не только не выразимъ, но и въ мысли прямо не держимъ“¹⁾.

Но, возражаетъ на это Филалетъ, сказать, что извѣстныя истины существуютъ въ душѣ и однако не сознаются, вѣдь это—очевидное противорѣчіе.—„Если вы держитесь этого предразсудка, отвѣчаетъ Теофиль, то я не удивляюсь тому, что вы отвергаете врожденные познанія. Но я удивляюсь, какъ вамъ не пришло въ голову, что мы имѣемъ безконечное множество познаній, которыя мы замѣчаемъ не всегда, даже когда мы имѣемъ въ нихъ нужду: ихъ хранить память и воспроизводить воспоминаніе“²⁾. Было-бы конечно, противорѣчіемъ утверждать, что мы имѣемъ врожденные *мысли* (*pensées*), которыхъ однакоже не замѣчаемъ. Но необходимыя истины врождены намъ не въ формѣ мы-

1) Nouveaux essais, *ibid.*, § 4

2) Nouveaux essais, *ibid.*, § 4.

слѣй, а въ формѣ привычекъ и расположеній, подобно тому какъ познанія, хранимыя нашей памятью, не суть уже дѣйствительныя мысли, но лишь привычки и расположенія, только не прирожденныя, а приобрѣтенныя ¹⁾.

Въ этомъ, я думаю, вы правы, соглашается Филалетъ, что мы не всегда замѣчаемъ всѣ находящіяся въ нашей душѣ истины, но вѣдь тогда нужно, чтобы мы когда нибудь прежде ихъ познали. Если же мы согласимся, что душа содержитъ въ себѣ, сама того не замѣчая, такія истины, которыхъ она совсѣмъ никогда не знала, то не будетъ-ли это равносильно тому, что она имѣетъ лишь способность (сарацитѣ ou faculté) къ ихъ познанію?—Совсѣмъ нѣтъ: почему же мы не можемъ имѣть что-нибудь въ душѣ, совсѣмъ не пользуясь тѣмъ, что имѣемъ? А имѣть какую-либо вещь, не пользуясь ею, неужели все равно, что имѣть только способность къ ея приобрѣтенію? Если приобрѣтенное познаніе можетъ быть скрыто въ душѣ памятью, то почему-же природа не могла также скрыть въ ней нѣкоторое первоначальное познаніе ²⁾?

Ф. Но въ такомъ случаѣ можно сказать, что въ нашей душѣ есть такія врожденныя истины, которыхъ она не только не знаетъ теперь, но и совсѣмъ не узнаетъ, что мнѣ кажется очень страннымъ?

Ф. Я не вижу въ этомъ никакой нелѣпости, хотя и нельзя навѣрное утверждать, что есть такія истины. Очень возможно, что въ другомъ состояніи намъ откроются вещи, гораздо болѣе высокія, чѣмъ какія мы знаемъ въ этой жизни ³⁾.

Ф. Но предположивъ, что въ нашемъ умѣ есть такія несознаваемыя имѣ истины, я всетаки не понимаю, чѣмъ эти истины отличаются отъ тѣхъ, которыя разумъ только способенъ познавать — Ф. Духъ нашъ не только способенъ познавать ихъ, но и находить ихъ именно въ себѣ самомъ. Если-бы онъ только имѣлъ способность отвнѣ получать познанія, то онъ не былъ-бы источникомъ необходимыхъ истинъ; ибо неоспоримо, что чувства никакъ не могутъ

1) Nouveaux e-sais, pp. 212—213, § 26.

2) Ibid, p. 200—209.

3) Ibid, p. 209.

открыть намъ что-либо необходимое и потому духъ долженъ извлекать такія истины изъ своихъ собственныхъ нѣдръ, хотя и чувства необходимы для него при этомъ, потому что только они даютъ случай обратить вниманіе на эти истины. Итакъ, нашъ умъ способенъ познавать какъ необходимыя, такъ и опытыя истины, но источникомъ служить только для первыхъ, и сколько-бы ни было частныхъ опытовъ, подтверждающихъ извѣстную всеобщую истину, мы никогда бы не могли убѣдиться въ ней индуктивнымъ путемъ, не зная ея необходимости отъ разума; чувства могутъ указывать на эти истины, подтверждать и оправдывать ихъ, но не могутъ доказывать ихъ ненарушимой (*immanquable*) и вѣчной достовѣрности ¹⁾). Конечно, познаніе этихъ истинъ зависитъ отъ способности. Но самая способность познанія имѣеть къ этимъ истинамъ особое отношеніе, это не есть голая способность, простая возможность понимать такія истины, но расположеніе, склонность (*aptitude*), предобразованіе (*preformation*).

Однимъ изъ возраженій Локка было то, что, если признать врожденными всѣ тѣ истины, съ которыми мы соглашаемся тотчасъ-же, какъ услышимъ ихъ, лишь бы только извѣстно было значеніе употребляемыхъ здѣсь словъ, то придется признать безчисленное множество врожденныхъ истинъ; сюда нужно отнести всѣ математическія истины и всѣ тѣ предложенія, въ которыхъ одно представленіе отрицается относительно другаго.—На это Лейбницъ отвѣчаетъ, что „*вся* ариѳметика и *вся* геометрія, дѣйствительно врождены намъ“ ²⁾). Что-же касается такихъ предложеній: бѣлое не есть красное, не есть сладкое и т. д., которыхъ также можетъ быть безчисленное множество, то Лейбницъ утверждаетъ, что они очевидны для насъ лишь потому, что оставляютъ приложеніе природеннаго принципа тождества къ частнымъ случаямъ ³⁾). По на этотъ отвѣтъ, предвидя его напередъ, Локкъ возражалъ, что частныя предложенія познаются ранѣе общаго и потому оно не можетъ служить для нихъ основаніемъ.—На это возраженіе Лейбницъ отвѣчалъ уже

¹⁾ Ibid, p. 209.

²⁾ Nouveaux essais, p. 208.

³⁾ Ibid, p. 210.

отчасти прежде, когда говорилъ о томъ, въ какомъ видѣ могутъ находиться принципы въ душѣ, не будучи ею сознаваемы. Теперь, повторяя сказанное прежде, онъ прибавляетъ: „Это вѣрно, что мы скорѣе начинаемъ замѣчать истины частныя, какъ начинаемъ съ идей болѣе сложныхъ и болѣе грубыхъ; но это совсѣмъ не препятствуетъ тому, чтобы порядокъ природы начиналъ съ болѣе простого, и чтобы основаніе истинъ болѣе частныхъ зависѣло отъ болѣе общихъ, по отношенію къ которымъ первыя являются только примѣрами.... Общія принципы входятъ въ наши мысли, составляя ихъ душу и ихъ связь. Они необходимы въ этомъ случаѣ, какъ необходимы мускулы и сухожилія для ходьбы, хотя мы при этомъ совсѣмъ не думаемъ о нихъ. Умъ опирается на эти принципы каждый моментъ, но не такъ легко удастся выдѣлить ихъ и представить отчетливо и отдѣльно, потому что это требуетъ большого вниманія къ тому, что онъ дѣлаетъ, а большая часть людей, мало привыкшихъ къ размышленію, почти совсѣмъ ее не имѣютъ“¹⁾. Отсюда видно, насколько неправильно возразилъ Локкъ, указывая на то, что эти принципы бесполезны, такъ какъ они познаются позднѣе другихъ, для которыхъ должны-бы были служить основаніемъ, и потому природа напрасно трудилась, нанечатлѣвая ихъ въ духъ человѣческомъ: безъ нихъ мы никогда-бы не дошли до познанія необходимыхъ истинъ и не имѣли-бы никакихъ преимуществъ предъ животными²⁾.

На эти разсужденія Теофила Филалетъ возражаетъ, развывая находящуюся опять у Локка мысль: если умъ такъ легко усвоитъ извѣстныя истины, то не можетъ-ли это всецѣло пронстекать изъ самой природы вещей, не позволяющей ему сузить иначе. а не изъ того, что эти положенія отъ природы начертаны въ умѣ?—То и другое справедливо, отвѣчаетъ Теофилъ: природа вещей и природа духа здѣсь встрѣчаются.... Очень часто созерцаніе природы вещей есть не что иное, какъ познаніе природы нашего духа и тѣхъ врожденныхъ идей, которыхъ совсѣмъ нѣтъ нужды искать внѣ насъ.

¹⁾ Nouveaux essais, p. 211.

²⁾ Nouveaux essias, p. 212, § 25.

Филалетъ. Но не научаемся ли мы этимъ признаваемымъ вами за прирожденныя идеямъ тогда, когда научаемся ихъ именамъ? — *Феофилъ.* Нѣтъ, потому что имена условны и произвольны, между тѣмъ какъ идеи натуральны (*naturelles*). — *Ф.* А развѣ невозможно, чтобы и идеи, какъ имена, были сообщаемы отвнѣ? — *Ф.* Для этого нужно бы было, чтобы мы сами оказались внѣ насъ самихъ. Желательно-бы было мнѣ знать, какъ мы могли-бы имѣть идею бытія, если бы мы сами не были *Бытіями* и не находили-бы такимъ образомъ бытія въ насъ самихъ. — *Ф.* А что вы скажете на такой вызовъ одного изъ моихъ друзей. Если, говоритъ онъ, кто-либо назоветъ мнѣ хотя одно положеніе, котораго идеи были-бы врождены, то онъ доставитъ весьма большое удовольствіе. — *Ф.* Я бы ему указалъ на положенія ариѳметики и геометріи, которыя всѣ именно такой природы ¹⁾.

Наконецъ, сильнымъ возраженіемъ противъ врожденности принциповъ Локкъ считалъ то, что они должны - бы были съ наибольшею ясностью представляться людямъ, ближе всего стоящимъ къ естественному состоянію — дѣтямъ, дикарямъ, идіотамъ — людямъ, которые совсѣмъ не имѣютъ объ нихъ понятія. На это Лейбницъ отвѣчаетъ: „врожденные положенія открываются лишь тогда, когда обращаютъ на нихъ вниманіе; но эти люди почти совсѣмъ его не имѣютъ или обращаютъ его на другія вещи. Они думаютъ почти исключительно о нуждахъ тѣла, а понятно, что мысли чистыя и возвышенныя служатъ наградою заботъ болѣе благородныхъ. Это вѣрно, что у дѣтей и дикарей умъ менѣе извращенъ (*altéré*) привычками, но за то онъ также менѣе образованъ обученіемъ, которое усиливаетъ вниманіе. Было-бы совсѣмъ несправедливо, чтобы самый яркій свѣтъ наиболѣе блисталъ въ умахъ, наименѣе того достойныхъ и опутанныхъ самымъ густымъ мракомъ. Итакъ, я не желалъ-бы, чтобы оказывали столько чести невѣжеству и варварству, когда есть люди столь развитые какъ вы, Филалетъ, или какъ нашъ превосходный авторъ; это значило - бы унижать дары Божіи. Иначе ктонибудь

¹⁾ Nouveaux essais, p. 212, § 23.

скажетъ, что чѣмъ невѣжественнѣе мы, тѣмъ болѣе приближаемся къ преимуществамъ куска мрамора или дерева, которые непогрѣшимы и непорочны“ ¹⁾.

Во второй главѣ первой книги *Новыхъ опытовъ* Лейбницъ разсматриваетъ возраженія Локка противъ врожденности нравственныхъ принциповъ. Впрочемъ, разногласіе Лейбница съ Локкомъ въ этомъ пунктѣ, какъ это замѣчаетъ и самъ Лейбницъ, въ существѣ дѣла ограничивается лишь словами. Лейбницъ вполне согласенъ съ Локкомъ, что въ основаніи нравственности лежитъ стремленіе къ удовольствію, причемъ истинная нравственность стремится лишь къ постоянному и величайшему удовольствію, основаніемъ котораго служить Богъ ²⁾. Съ другой стороны, Локкъ не отрицаетъ врожденности этого стремленія, но оговаривается только, что стремленіе не есть истина. На это Лейбницъ отвѣчаетъ, что стремленіе, выраженное (*exprimé*) разумомъ, и дѣлается практической истиною; если потому стремленіе врождено, то и истина врождена ³⁾. Правда то, что самый основной принципъ нравственности, именно, что нужно стремиться къ радости и избѣгать печали, не настолько очевиденъ, какъ основные теоретическіе принципы, но это зависитъ отъ того, что онъ извѣстенъ не изъ разума, а по *инстинкту*. „Надобно отличать *врожденные истины* отъ *естественнаго свѣта*, (который содержитъ только раздѣльно познаваемое), какъ родъ долженъ быть отличаемъ отъ своего вида, потому что *врожденные истины* обнимаютъ, какъ *инстинкты*, такъ и *естественный свѣтъ*“. Итакъ, истины намъ могутъ быть врождены въ формѣ смутнаго и неяснаго чувства и потому не столь очевидны, какъ истины естественнаго свѣта ⁴⁾. Не говоритъ противъ врожденности нравственныхъ началъ и ихъ выводной или демонстративный характеръ, какъ онъ не говоритъ противъ врожденности ариѳметики ⁵⁾; истина выводная должна считаться врожденною, коль скоро мы можемъ извлечь ее изъ нашего духа. „Но есть врожденные

¹⁾ Nouveaux essais, p. 213, § 27.

²⁾ Nouveaux essais, l. I, ch. II, § 2, p. 214.

³⁾ Ibid, § 3.

⁴⁾ Ibid, 217.

⁵⁾ Ibid, p. 215, § 9.

истины, которыя мы находимъ въ себѣ двоякимъ образомъ— посредствомъ естественнаго свѣта и посредствомъ инстинкта.... Такъ, мы склоняемся къ гуманнымъ дѣйствіямъ и по инстинкту, потому что это намъ нравится, и посредствомъ разума, потому что это справедливо“¹⁾. Основанные на такомъ инстинктѣ и нуждаясь въ доказательствахъ, нравственные принципы, какъ это и естественно, не всеми правильно повимаются, что однако не можетъ служить доказательствомъ противъ ихъ врожденности. Самое доказательство этихъ истинъ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ доказательство истинъ теоретическихъ. „Если бы геометрія, говоритъ Лейбницъ, вооружалась противъ нашихъ страстей и нашихъ насущныхъ интересовъ столько же, какъ мораль, мы бы не менѣе ее оспаривали и нарушали, не смотря на всё доказательства Евклида и Архимеда, которыя третировали бы какъ выдумки и считали бы полными паралогизмовъ; а Иосифъ Скалигеръ, Гоббесъ и другіе, писавшіе противъ Евклида и Архимеда, не находили - бы себѣ такъ мало послѣдователей, какъ теперь“²⁾. Какъ доказательство нравственныхъ истинъ находить большое препятствіе въ человѣческихъ страстяхъ, порокахъ и житейскихъ привязанностяхъ, такъ точно въ нихъ же находятъ своихъ противниковъ и слѣдованіе этимъ истинамъ на дѣлѣ, когда онѣ уже признаны, и это служитъ отвѣтомъ на возраженіе Локка, будто, если нравственные принципы не всеми соблюдаются, то и не всеми признаются. „Ежедневно, говоритъ Лейбницъ, случается, что люди поступаютъ вопреки своимъ заповѣдямъ, скрывая ихъ отъ самихъ себя, когда они обращаютъ свой духъ въ другую сторону. чтобы слѣдовать своимъ страстямъ; безъ этого мы не видѣли бы, какъ люди ѣдятъ и пьютъ то, что, какъ сами знаютъ, должно причинить болѣзни или даже смерть.... Будущее и разсудительность рѣдко имѣютъ на насъ столько же вліянія, какъ настоящее и чувство“³⁾.

Третья глава 1-й книги *Новыхъ опытовъ* разсматриваетъ послѣднія соображенія Локка противъ врожденности

¹⁾ Ibid, p. 214, § 4.

²⁾ Ibid, p. 216, § 212.

³⁾ Ibid, p. 216, § 11.

истинъ и идей, высказанныя имъ въ 4 гл. 1 кн. Опыта. Эта глава у Лейбница ничего существенно новаго къ сказанному прежде не прибавляетъ и потому мы приведемъ изъ нея лишь отвѣтъ Лейбница на возраженіе противъ врожденности идеи Божества. „Я допускаю, говорить Лейбницъ, что существуютъ цѣлые народы, которые никогда не думали о высшей субстанціи“, и затѣмъ онъ приводитъ примѣры, когда на языкѣ дикихъ, принявшихъ христіанство, не оказывалось словъ для выраженія нѣкоторыхъ религіозныхъ и въ частности христіанскихъ понятій, такъ, наприм., на языкѣ Барантоловъ не оказалось словъ для обозначенія *святости*; а на языкѣ Готтентотовъ слово *Духъ Святый* пришлось перевести словами, обозначающими пріятный и тихій вѣтеръ. „Однако все это затрудненіе, заключаетъ Лейбницъ, которое встрѣчается при переходѣ къ абстрактнымъ понятіямъ, нисколько не говоритъ противъ врожденныхъ познаній. Есть народы, которые не имѣютъ слова, соответствующаго нашему слову *бытіе*, но можетъ ли кто сомнѣваться, что они знаютъ, что такое *бытіе*, хотя никогда отдѣльно о немъ не думаютъ“¹⁾ Затѣмъ Лейбницъ приводитъ выдержку изъ Локка, гдѣ онъ говоритъ, что идея Божества *согласуется съ самымъ простымъ свѣтомъ разума*, и замѣчаетъ: „этотъ авторъ, говоря о *самомъ простомъ свѣтѣ разума*, который согласуется съ идеєю Бога, повидимому почти не удаляется отъ моего мнѣнія о врожденныхъ истинахъ“²⁾.

Закончивъ изложеніе ученія Лейбница и его полемики съ Локкомъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоятъ между собою ученія двухъ философовъ. Прежде всего нужно замѣтить, что Лейбницъ понимаетъ Локка неправильно: онъ старается зачислить Локка въ разрядъ сенсуалистовъ, производящихъ всѣ познанія изъ внѣшнихъ ощущеній³⁾. Причиною этого послужило, кажется, Локково сравненіе души съ бѣлою бумагой, или съ *tabula rasa*. Такъ какъ это сравненіе употреблялось сенсуалистами, то Лейбницъ и рѣшилъ безповоротно, что Локкъ

¹⁾ Nouveaux essais, liv. 1, ch. III, p. 220, § 8.

²⁾ Ibidem.

³⁾ См. напр. Труды Московскаго Психол. Общ. вып. IV, стр. 194.

долженъ быть сенсуалистомъ. Вотъ почему Лейбницъ, хорошо зная, что Локкъ на ряду съ внѣшними чувствами источникомъ познанія считалъ и рефлексію, видитъ въ этой послѣдней лишь непослѣдовательность Локка, неизбежно вынужденную *уступку* въ пользу нативизма ¹⁾). Неправильное пониманіе Локкова ученія было причиною того, что Лейбницъ преувеличилъ разницу между этимъ ученіемъ и своими собственными воззрѣніями, представляя ихъ почти діаметрально противоположными. Съ другой стороны, нѣкоторые послѣдующіе изслѣдователи, замѣтивъ неправильность Лейбницева пониманія, нашли, что разницы между обоими ученіями совсѣмъ нѣтъ. Разумѣемъ Д. Стюарта, который утверждаетъ, что выраженіе Лейбница—*nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu, nisi ipse intellectus*— есть ни что иное, какъ сущность ученія Локка въ сжатой и эниграмматической формѣ ²⁾ вообще и тѣхъ, которые думаютъ, что въ вопросѣ о врожденности разница между Лейбницемъ и Локкомъ состоитъ исключительно въ названіи, а не въ существѣ дѣла. Съ такимъ воззрѣніемъ на взаимное отношеніе между ученіями Лейбница и Локка никакъ нельзя согласиться.

Конечно, если-бы Локку предложили присоединиться къ заявленію Лейбница, сдѣланному имъ въ вышеприведенномъ его выраженіи, то Локкъ не нашелъ-бы въ немъ ничего, противорѣчащаго своимъ принципамъ, потому, что какъ мы видѣли, онъ не думалъ выводить изъ опыта самую способность познанія и считалъ ее существующею въ духѣ независимо отъ опыта. Но вопросъ въ томъ, одну ли и ту-же мысль высказали бы оба философа въ одномъ и томъ же выраженіи? Это было-бы въ томъ случаѣ, если бы слово *разумъ* тотъ и другой понимали одинаково. Но этого-то именно и нельзя никакъ сказать. Тогда какъ Локкъ не признавалъ въ разумѣ *никакого* содержанія и видѣлъ въ немъ чисто-формальную способность, а своимъ разъясненіемъ понятія *способности* сводилъ его прямо почти къ пустому слову, съ которымъ въ сущности нельзя связать никакого опредѣленнаго представленія, Лейбницъ понималъ

1) Ср. *ibid*, 192.

2) См. Троицкаго—Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтѣ, стр. 133

подъ разумомъ очень опредѣленную прирожденную силу познания, надѣленную отъ природы извѣстными диспозиціями, *implicite* заключающую въ себѣ цѣлый рядъ познаний. Такимъ образомъ, мы видимъ, что если-бы Локкъ и Лейбницъ дѣйствительно даже выразились одними и тѣми-же словами, то сказали-бы вещи довольно различныя.

Точно также, намъ думается, напрасно пренебрегаютъ разницею выраженій Локка и Лейбница. Конечно, въ существѣ дѣла за діаметральною противоположностью словесныхъ выраженій (отрицаніе *врожденности* у Локка и защита ея у Лейбница) кроются иногда очень сродныя воззрѣнія. Если принять во вниманіе, что Лейбницъ не отличаетъ врожденныхъ идей отъ идей внутренняго опыта, и что, по Локку, душевныя способности — способности ощущать, желать, чувствовать и т. д. — тоже прирождены, то близость между обоими философами очевидна. Но, во-первыхъ, не нужно забывать, что отождествленіе прирожденности и внутренняго опыта у Лейбница не проведено послѣдовательно, и, надо полагать, до нѣкоторой степени представляетъ собою недоразумѣніе; во вторыхъ, — опять не нужно забывать, что тамъ, гдѣ въ глазахъ одного прирождены опредѣленные диспозиціи, которыя онъ сравниваетъ съ привычками и образами воспоминанія, въ глазахъ другого остаются на долю врожденности пустые *x*-ы или потенціи, граничащія съ чистымъ ничто. Еще виднѣе различіе, когда дѣло идетъ не о врожденныхъ понятіяхъ, а о врожденныхъ истинахъ. Послѣднихъ Локкъ совсѣмъ не признавалъ, Лейбницъ признавалъ ихъ опять въ смыслѣ диспозицій, склонностей и т. д. Правда *интуиція* Локка стоитъ близко къ Лейбницеву *естественному свѣту*; какъ первая, такъ и послѣдній усматриваютъ необходимыя отношенія между вещами. Но всматриваясь ближе, мы замѣтили и разницу. Не станемъ говорить уже о томъ, что интуиція у Локка смѣшивается съ воспріятіемъ самыхъ идей, о чемъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Разница между обоими мыслителями ясна и помимо этого. Между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія Локка извѣстныя отношенія между вещами

¹⁾ Бог. Вѣстн. 1898 г. № 7: Полемика Локка противъ теоріи прирожденности.

представляются *необходимыми* для усматривающаго ихъ разума потому, что такими онъ ихъ воспринимаетъ, такими ихъ представляетъ природа вещей, съ точки зрѣнія Лейбница эта необходимость ближайшимъ образомъ вытекаетъ изъ устройства самого разума, хотя при этомъ не отрицается и то, что ему соответствуетъ и устройство вещей. Но если бы различныя выраженія у Локка, вооружающагося противъ врожденныхъ идей и истинъ, и у Лейбница, ревностно ратующаго за врожденность тѣхъ и другихъ, если-бы эти выраженія стояли по заключающемуся въ нихъ значенію еще ближе, чѣмъ мы указали,—и тогда-бы пренебрегать этой разницей не слѣдовало: она во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что оба философа смотрѣли на предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, а каждый придавалъ первенствующее значеніе той сторонѣ, на которую смотрѣлъ самъ. Такое различіе точекъ зрѣнія, даже безъ взаимнаго ихъ отрицанія, могло породить различіе двухъ далеко расходящихся философскихъ направленій. А что различіе точекъ зрѣнія Лейбница и Локка легло въ основаніе глубокаго различія послѣдующихъ философскихъ направленій,—этого отрицать совсѣмъ не приходится.

Н. Городенскій.
